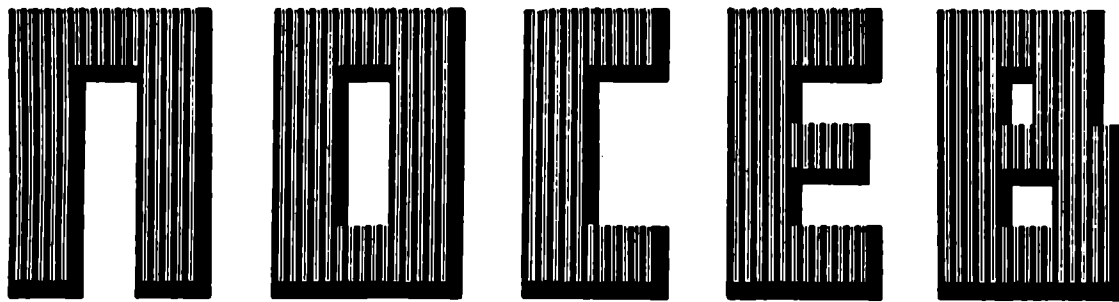

ГОД ИЗДАНИЯ ХІІІ
№ 24 (579)

ВОСКРЕСЕНЬЕ
16 ИЮНЯ 1957

ГОЛОС РОССИЙСКОГО РЕВОЛЮЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ
ВЫХОДИТ ЗА РУБЕЖОМ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО

Jahrg. 13 · Nr 24 (579)

Russische Wochenzeitung · POSSEV-Die Aussaat · Frankfurt M., Merianstr. 24 a

Sonntag 16. 6. 1957

„Платформа, не совпадающая с политикой партии“

После III пленума правления Союза писателей. — Мобилизация партийных чиновников на борьбу против литературы

Борьба за свободу творчества, развернувшаяся на III пленуме правления Союза писателей, продолжается не утихая. Партруководство мобилизовало чиновников от литературы и партаппарат. Окрики и ругательства — основное оружие всей этой своры. Фурцеву, Суркову, Панферову и прочих защитников партийной путаницы тот широкий отклик, который находят произведения, проникнутые жизненной правдой, то одобрение, та «буря аплодисментов», которой награждают «упорство ошибающихся».

Сурков, кандидат в литфюреры, откровенно признал суть дела: «...у товарищей (имеется в виду группа «Литературной Москвы») была более или менее четко очерченная литературно-политическая платформа, не совпадающая с политикой партии в области литературы»!

В чем же суть этой платформы? В требованиях свободы творчества и свободы печати.

Надо называть вещи своими именами, а Сурков боится это сделать, он пытается отыгаться на жупеле «антипартийности». Но против т а к о й п л а т ф о р м ы жупелов недостаточно.

И не случайно «Литературная газета» пытается подтянуть «идеологические ресурсы» и обращается к Ленину:

«Свобода печати поможет силе мировой буржуазии. Это факт. Не очистке коммунистической партии в России от ряда ее слабостей, ошибок, бед, болезней (куча болезней есть, это бесспорно) послужит «свобода печати», ибо этого не хочет мировая буржуазия, — а свобода печати станет оружием в руках этой мировой буржуазии» (Ленин, письмо и Г. Мясникову, 1921 г.).

«Замечательные слова, которые действительны и сегодня» — восклицает «Литературная газета».

Что КПСС страдает сегодня от «слабостей, ошибок, бед и кучи болезней» — это, пожалуй, признают ее нынешние «вожди» (достаточно уже одних признаний о культе личности). Но вот признают ли они вместе с «Литературной газетой», — что «мировая буржуазия» сегодня в России сильнее КПСС? («не хочет» мировая буржуазия очистки от скверны, так она «грязная» и останется?!). Пожалуй, признают, если только вещи опять-таки называть своими именами и сказать, что дело идет не о «мировой буржуазии», а о силах народного сопротивления (что, в частности, и имел в виду Ленин, потому что никакой мировой буржуазии в России в 1921 году не было, а было Кронштадтское восстание).

Обращаться к Ленину небезопасно, а откуда же взять оружие для идеологической борьбы? Из запрещенного Сталина? Или из разглазгований Хрущева, этого зощенковского персонажа?

Выдвинутому нашими писателями и читателями требованию свободы творчества партчиновники и партглавы не могут ничего противопоставить, кроме неудачных цитат из Ленина и унтерпришибеевского окрика «р-разойдись!». Первые никого не убеждают, а второго уже не слушают!

*

После III пленума правления Союза писателей СССР, ознаменовавшегося «заговором молчания», «на местах» стали обсуждаться его итоги. Партийно-

му руководству срочно понадобилось довести до сведения писателей-партийцев, что на пленуме было все благополучно, что вредные произведения были по заслугам раскритикованы, что немногочисленным еретическим голосам был дан должный отпор, что партия не допустит никакого либерализма в литературе.

Несмотря на то, что эти суждения были партийными, власть поставила под сомнение благонадежность писателей-партийцев и послала «высочайших» соглядатаев, которые одним своим присутствием должны были символизировать непреклонную волю и бдительность партийного руководства. Так, например, в Тбилиси на «обсуждении итогов» присутствовал и участвовал (!) в работе секретарь ЦК КП Грузии И. С. Долидзе. В наиболее опасное место, в центр «писательского мятежа» — в Москву была брошена тяжелая артиллерия. Там, на объединенном собрании парторганизаций московских писателей и правления Союза писателей СССР присутствовала «сама», кандидат в члены президиума ЦК КПСС, Е. А. Фурцева.

*

Наиболее спокойно, если судить по отчету «Литературной газеты» (№ 66), прошло партийное собрание писателей Белоруссии.

Писатель П. Бровка указал в своем выступлении на то, что есть смелость «революционная» и «расшатывающая» и отрицающая все созданное». Мы позволим себе несколько его перефразировать: есть крикливая «смелость», стремящаяся сохранить все отрицательное, поддерживаемое коммунистической властью, и есть смелость творчески-осозданная, подлинно революционная.

Писатель М. Танк посетовал на то, что наша литература «в ответственный момент, когда на нее ополчились наши противники за рубежом, оставалась на оборонительных позициях». Но вопроса о том, способен ли социалистический реализм без поддержки органов безопасности на кого-либо наступать и есть ли среди подлинных писателей сторонники этого «литературного метода и мировоззрения», М. Танк не затронул.

Народный художник БССР З. Азгур намекнул на то, что покорных писателей и впредь будут тепло принимать в подмосковной правительственной даче.

В общем партийные писатели Белоруссии постановили дружно бороться против «вражеской идеологии»... «проявлений нигилизма, критиканства, беспринципной групповщины» и руководствоваться «методом социалистического реализма и ленинским принципом партийности литературы».

*

Несколько оживленной проходила дискуссия на Украине (см. «Литературную газету» № 67).

Докладчик на киевском партийном собрании, О. Гончар, «взволнованно говорил о политическом единстве советских писателей». Однако, по его словам, пленум проходил «по-боевому», на нем были сделаны попытки «сбить советских литераторов с верного пути» и т. д.

В. Собко в своем выступлении высказал недовольство по поводу того, что «зарубежная реакционная пропаганда

использует в качестве своего козыря некоторые произведения наших писателей».

На совещании была вновь в восторженных тонах упомянута «подмосковная дача» и подчеркнуто значение партийного руководства для советской литературы.

*

Наиболее остро проходила дискуссия, конечно, в Москве. И это не только потому, что там собрались наиболее крупные наши писатели, но и потому, что Москва отчетливо приняла пальму первенства «по крамоле» от разгромленного ждановщиной Ленинграда.

Московское собрание началось с горьких причитаний по поводу «идейно-творческих срывов», «допущенных ошибок», «с озабоченностью и тревогой говорили о позиции, занятой редколлегией «Литературной Москвы». Тем не менее на пленуме, оказывается, было продемонстрировано «единство взглядов».

Докладчик на собрании, писатель В. Сытин, с большим удовлетворением отметил раскаяния в своих заблуждениях со стороны К. Симонова, О. Бергольц, В. Губарева. Особенно понравилось ему то, что беспартийный С. Кирсанов решил переделать по партийной указке свои «Семь дней недели». То же, что некоторые писатели, по его словам, к этим раскаяниям относятся с иронией, он строго осудил.

Однако, несмотря на отмеченную монолитность, В. Сытину пришлось указать на то, что «демагогично» и «нестерпимо» выступали В. Дудинцев и В. Каверин, что упорствуют в своих ошибках Э. Казакевич, М. Алигер, В. Рудный, В. Тендряков. Эти писатели пошли «по пути разобщения со своими товарищами», или, как уже неоднократно писалось в «Посеве» по пути размежевания. Причем, что особенно беспокоит коммунистическую власть, размежевание это происходит не индивидуально, а коллективно — недовольные писатели блокируются, смыкаются в группы. Эта группа писателей, согласно В. Сытину, стоит на позициях «мелкобуржуазной всеядности, «демократии без берегов», в конечном счете отхода от ленинского принципа партийного руководства литературой и искусством». Тут, вероятно, следовало бы поправить В. Сытина — отход от партийности происходит не в «конечном счете», а стоит на первом месте, вместе с подлинной демократией, а всеядность и безбрежность тут вовсе ни при чем.

В заключение В. Сытин сказал несколько слов о вреде свободы печати и неуместной стойкости писателей.

В. Сытину вторил писатель М. Гус, жаловавшийся на «извечные мелкобуржуазные шатания», на «черты, присущие групповой борьбе», на элементы идейного ревизионизма, «выражающегося в попытках противопоставить диктатуре пролетариата буржуазную демократию» — и все это в канун сороковой годовщины октября!

Ф. Панферов заявил в своем выступлении, что то, о чем пишут А. Крон и В. Дудинцев — неправда, а правда заключается в том, что «мы в силах, например, поставить перед собой задачу — догнать США в производстве молока,

мяса и масла на душу населения». Ничего не скажешь, правда убедительная и вполне достойная литературного увековечения!

Писатель А. Чаковский так интерпретирует монолитное молчание монолитных писателей: «...упорное молчание может навести на мысль, что речь идет не о заблуждениях, а о сознательной фронде».

Затем в «Литературной газете» (№ 68) указывается на выступления Э. Казакевича, А. Яшина и на письмо, оглашенное на собрании, М. Алигер. Однако на выступления эти именно указывается, а по существу высказанного этими писателями ничего не говорится. Очевидно «Литературная газета» полностью учла замечания (разумеется, не в первый раз) М. Гуса о вреде свободы печати.

На неприведенные высказывания «крамольных» писателей моментально обрушились следующие выступающие.

Л. Шейнин заявил, что нельзя спорить о таких вещах как «единство нашей партии и железная партийная дисциплина».

А. Сурков поставил точки над «i» в том смысле, что указал, что во всех этих вопросах «речь идет об идеологии», а не о художественных проблемах. Он же заявил о том, что «не очень здоровые тенденции» свойственны не только нашим писателям, но и «некоторым кругам нашей интеллигенции».

«Пора задуматься, — заявил далее Сурков, — почему наши враги за рубежом с такой неумеренной «доброжелательностью» опекают вас, почему столь широко они распространяют и так рекламируют произведения, которые вы защищаете. Не может быть, чтобы вы не знали о том, что они пишут, какие далеко идущие выводы делают враги из некоторых непродуманных позиций некоторых редакционных коллективов... Приходишь к выводу, что групповщина у нас есть и что у товарищей была более или менее четко очерченная литературно-политическая платформа, не совпадающая с политикой партии в области литературы».

*

Как же можно суммировать впечатления об отчетных собраниях по III пленуму правления Союза писателей СССР?

Во-первых, можно отметить, что партийное руководство пытается сделать «хорошую мину при плохой игре». Однако это не совсем удается и даже в сухих сообщениях «Литературной газеты» можно усмотреть масштабы и характер писательского бунта против партийного зажима.

Во-вторых, партийное руководство, в силу общей обстановки в стране, не решается предпринять более решительные меры против крамольных писателей в духе, например, ждановщины, и пытается воздействовать окриками, угрозами, уговариванием и прочими методами психологического давления, не прибегая к методам непосредственного террора.

В-третьих, «крамольные» писатели вовсе не слагают оружия, не продают своих убеждений, а сплывают свои ряды и отвечают организованным молчанием или словесной защитой на партийную критику.